

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Е.В. Щербаков

ПРЕДМЕТ И ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КУРСА «ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ»

Е.В. Щербаков

Восточно-Сибирский филиал

Российской академии правосудия

Вопрос о предмете учебного курса и логической структуре его построения и изложения в рамках учебного пособия, на первый взгляд, является вопросом академическим. Считается, что основные проблемы определения предмета учебного курса уже давно решены. Научным сообществом могут уточняться детали, понятия, но само концептуальное видение, принципиальное понимание и определение предмета остается неизменным. Это относится, в первую очередь, к учебным предметам естественнонаучного цикла, отражающим устоявшуюся научную картину мира. Представления о социальном мире меняются быстрее, но и в области гуманитарных дисциплин определения предмета и структура логики изложения пересматриваются редко и болезненно. Абсолютное большинство учебных курсов с той или иной степенью жесткости формализованы и стандартизированы. И дело здесь вовсе не в привычке, которая, по словам поэта, заменяет нам счастье. За счет устойчивого и разделяемого активной частью населения более или менее единого мировоззрения, вырабатываемого, в первую очередь, образованием, достигается стабильность социального бытия. Поэтому, пока не грянет новая научная или социальная революция, будет действовать принятая научная конвенция.

Ситуация меняется, когда в силу тех или иных обстоятельств в учеб-

ные планы вводятся новые курсы. Новые – и с точки зрения нового научного знания, вторгающегося в нашу жизнь и оказывающего на нее существенное влияние – информационные или нанотехнологии, например. А также новые – в смысле ранее существовавшие, но не входившие в корпус учебных дисциплин, поскольку трактовались как ненужные, ненаучные, мировоззренчески вредные и опасные. На заре Советской власти так было с отечественной историей, в 50-е годы прошлого века так было с генетикой. Так сегодня обстоит дело с теологией и вообще с дисциплинами религиозно-философского содержания.

В непредсказуемом потоке человеческой истории можно все-таки найти объективные, фундаментальные закономерности. Они проявляются вовсе не в последовательной, прогрессивно направленной смене ОЭФ, как это виделось Марксу. Они проявляются в том, что успешно отстаивает свою независимость, нерушимость своего суверенитета и динамично развивается лишь консолидированное общество. Нет национально-государственной консолидации – нет свободы и независимости народа и государства. И мы, кажется, начинаем осознавать необходимость решения проблемы национально-государственной идентичности. Мы начинаем понимать, что национальную консолидирующую идею можно выработать, лишь обращаясь к духовной, более того – к сакральной сфере. Именно так и поступил Сталин, сняв гнет с РПЦ в критический момент Великой отечественной войны. В поисках консолидирующей идеи мы сегодня, пусть и робко, и непоследовательно все чаще обращаемся к своим традиционным духовным корням. Стремление опереться на православную духовную культуру все-таки пробивает себе дорогу, хотя и испытывает мощное противодействие сил международного и доморощенного либерализма.

И в случае введения в учебные программы предметов, отражающих новое научное знание, и в случае введения новых дисциплин мировоззренческого характера предстоит еще проделать сложную и кропотливую работу по определению предмета, отбору материала, выстраиванию логики, разработке стандартов, написанию учебников и учебных пособий, методическому обеспечению, подготовке учителей.

Оставим в стороне вопросы внедрения в учебные планы предметов, отражающих новое научное знание. Здесь все в принципе понятно и укладывается в знакомый процесс переложения достижений науки на язык образования как такового. Это – вопросы, в основном, технологического характера.

Гораздо сложнее дело обстоит с дисциплинами, ранее отвергавшимися по мировоззренческим мотивам. В этом пространстве развернулась самая ожесточенная, самая бескомпромиссная борьба. Следуя русской традиции, противоборствующие силы можно обозначить как западнические и почвеннические, русофобские и русофильские, стремящиеся встроить

Россию в глобализирующийся мир и настаивающие на самобытности русской цивилизации. И эта борьба чаще всего носит отнюдь не научно-академический характер, ибо ставка в этой борьбе – человек, его дух, его практическая деятельность и его реальная жизнь. Противоборствующие стороны прекрасно понимают, что образование непосредственно и кардинально влияет на все сферы личностного и общественного бытия. Образование служит внедрению определенной структуры сознания, типа мышления, которые закрепляются в языке и реализуются в индивидуальном поведении и в социальной практике. Поэтому сегодня без преувеличения ставка в этой борьбе – Россия как самоценная цивилизация, как суверенное и сильное государство, как полноправный субъект мирового исторического процесса.

В этой борьбе и решается вопрос, вводить или не вводить тот или иной мировоззренческий курс в учебные планы школы. А если вводить, то в каком объеме и с какими идеологическими установками? То же православие можно рассматривать как духовно-историческую основу русской государственности и культуры, а можно под флагом научной объективности выхолостить и растворить в истории мировых религий, можно и вообще преподнести с позиций воинствующего атеизма. Поэтому технологические, казалось бы, вопросы определения предмета и разработки логической структуры курса «История православия в России» на деле оказываются острейшими вопросами духовно-мировоззренческого и политического характера в контексте агрессивного наступления глобалистских сил.

В самой абстрактной форме образование является перед нами, по крайней мере, двумя взаимосвязанными и взаимообуславливающими сторонами. С одной стороны, образование есть одно из необходимых условий развития и самореализации человека как человека. Без надлежащего образования человек неполон, слеп, отчужден от мира, не способен проявить свои потенции.

С другой стороны, формируя через образование человека, общество формирует самое себя и свое будущее. От содержания образования зависит, каким будет человек, к каким целям он будет стремиться, какими средствами будет при этом пользоваться. Содержание образования закладывает матрицу понимания человеком добра и зла, смысла бытия, своего назначения в этом мире. Вместе с тем образование формирует его гражданские чувства, осознание национально-культурной идентичности и в результате – социально-политическое поведение. Сама философия образования определяется желаемой моделью человека и общества, как она видится политически и экономически господствующим элитам.

В настоящее время никакой модели будущего в России нет. Обществоведение не дает внятного теоретически и ценностно обоснованного ответа на вопрос, какой мы хотим видеть Россию, и какой Россия может

и должна быть. По сути, «философию» будущего России, включая сюда и модель образования, монтирует крупный капитал, используя услужливую и лукавую либеральную интеллигенцию. У капитала же по определению вся идеология сводится к формуле: «дешево купить – дорого продать». Реализация этой формулы ведет к демонтажу народа и страны.

Само понятие «образование» можно наполнить различными смыслами. Все зависит от исходных мировоззренческих и идейных установок, которыми руководствуются принимающие решения и правящие элиты. В конечном итоге трактовка понятия «образование» зависит от веры в самом расширительном толковании – веры или неверия в возможности науки объяснить и преобразовать мир, веры или неверия в Россию как в сильное, суверенное, социальное и самодостаточное государство, веры или неверия в истинность православия, веры или неверия в свободную волю человека, в социальную справедливость и т. д. В традиционном смысле христианской культуры образование призвано разбудить и развить образ Божий в земном человеке. В традициях секулярной западноевропейской просвещенческой культуры Нового времени образование тяготеет к пестованию земной, телесной составляющей индивида, к формированию навыков и умения успешно конкурировать с другими индивидами в рамках гражданского общества и правового государства. Основой такого подхода выступал деизм и механистическо-атомарное понимание мира. В коммунистическом СССР, который неизвестные авторы политического бестселлера «Проект Россия» определили как «православие без Бога»¹, целью образования провозглашалось воспитание всесторонне и гармонически развитой личности на основе диалектико-материалистического мировоззрения.

Понятие «образование» шире и глубже, чем приобретение знаний, умений и навыков. Изначально это понятие религиозно, наполнено глубоким сакральным смыслом. Образование – от слова образ. Оно предполагает пестование образа Божьего в человеке, ибо, по библейскому слову, «человек создан по образу Божию» (Быт., 9:6). Истинное образование не сводится всецело лишь к задаче умопостижения сущего. В истинном образовании логика соединяется с верой, ум – с сердцем. Истинное образование – это еще и познание высших смыслов, выходящих за пределы индивида и социума, не поддающихся формализации и формально-логическому доказательству и открывающихся только оку сердца. Истинное знание, получаемое в процессе таким образом понимаемого образования, невозможно без внутреннего, религиозно-мистического, нерационализируемого его понимания.

С позиций веры – образование есть важнейшее условие подлинно человеческого бытия. Поэтому образование необходимо рассматривать, прежде всего, как неотъемлемое право и вместе с тем долг человека свободно формировать свою личность. Личность же – в данном контексте – это не

просто *Homo faber* – человек умеющий и даже не *Homo sapiens* – человек мыслящий. Личность есть человек, свободно, органически и радостно включающий себя в мир, в космос, в общество и руководствующийся в своем поведении нравственной ответственностью за самого себя, за свои дела и помыслы.

При таком подходе предмет курса «История православия в России» предполагает рассмотрение православия как основу русской цивилизации, а саму русскую цивилизацию – как великую, самобытную и самоценную. Без православия не было, нет и не будет России, нравится это кому бы то ни было или не нравится. Методологические принципы определения предмета нашего курса должны быть глубже пресловутого «научного объективизма», на поверку всегда отражающего определенные партийные интересы². В определении такого учебного предмета как «История православия в России», непосредственно формирующего личностное начало студентов, должна содержаться и ценностная характеристика. Уже на стадии определения предмета должны соединиться знание и вера, исторические факты и их духовная интерпретация и оценка. Критерием истинности здесь должно выступать такое знание, которое утверждает и обогащает человеческую жизнь, способствует единству (соборности) народа, укрепляет государство как Отечество.

Вера в самобытность России предполагает критику западных притязаний на обладание истиной и социально-культурными идеалами. Мы вовсе не против истин и ценностей Запада, но мы исходим из того, что историческая судьба России, очень тесно соприкасаясь с судьбой Запада, принципиально несводима к ней, отлична от нее. Наша история на духовном фундаменте православия создала другие цивилизационные пути, цели и ценности, и мы должны опираться именно на них и защищать их.

С позиций неверия, или, точнее, веры в истинность философских построений материализма, позитивизма, прагматизма, постмодернизма, понятие «образование» наполняется другим содержанием. Оно сводится к получению определенной информации, суммы знаний и умений, необходимых для более или менее успешной профессиональной деятельности. При таком подходе школа ориентирована не на формирование личности, что невозможно без обретения базовых сакральных и научно-фундаментальных знаний, а на подготовку более или менее компетентного работника. Религиоведение с этих позиций, очевидно, расширяет кругозор и углубляет эрудицию, но не трогает душу, не питает ее патриотизмом и гражданственностью, не вызывает к личностной ответственности за судьбы своей страны. Это тот самый случай, когда многознание уму не научает.

Чисто логически-формально предмет учебного курса «История православия в России» можно, конечно, обозначить как историю православия в России. С этих позиций православие «объективно» и «толерантно» может

рассматриваться как одна из многих российских и мировых конфессий. Эта логика не отрицает, что когда-то оно исповедовалось большинством населения и стояло на службе государства. Однако эта логика настаивает на том, что в современном демократическом обществе индивид вправе сам выбирать, быть ему православным или баптистом, присоединиться к учению Рериха или Бахаи, а, возможно, вообще отвергнуть любую религию и считать себя атеистом. Другими словами, логически-формальный, объективистский подход к определению предмета «История православия в России», если даже и не сеет семена атеизма, то в лучшем случае воспроизводит мировоззренческую парадигму эпохи Просвещения, оставляя человека один на один с собой и с миром. Россия осмысливается и воспринимается не как Отечество, не как Родина-мать, но как безличное государство, как не очень надежный «ночной сторож», которому еще учиться и учиться у Запада, чтобы достичь критериев цивилизованности.

В большой степени ценности и приоритеты образования, реализующиеся в его целях и задачах, обуславливаются решением антропологической проблемы. Одно дело, когда человек понимается как сотворенная Богом высшая ценность, наделенная бессмертной душой. Человек в этом случае соотносит себя и свое поведение с божественными заповедями, и никакой самый изощренный ум не способен обосновать, почему это плохо и с этим надо бороться. Другое дело, когда он понимается как случайный продукт безличной эволюционирующей природы, как атомизированный индивид, включенный в определенной социальной нише в хозяйственно-экономический и социально-политический процессы. Такое понимание человека было характерно для цивилизационного проекта модерна. Сегодня мы, кажется, порвали не только с религиозной и коммунистической, но и с буржуазно-демократической просвещенческой антропологией. Если Ницше в XIX веке оповестил мир о смерти Бога, то постмодернисты конца XX века заявили уже о кончине субъекта (индивида). Так, каков же он – современный человек, если он не образ Божий, не всесторонне и гармонически развитая личность и даже не индивид? Ответ современной западноцентрированной цивилизации предельно четок и ясен: человек – потребитель. Человеческая жизнь случайна и кратковременна. Молодость проходит – оглянуться не успеешь. Возьми же от жизни все! Потребляй и наслаждайся! Не дай себе засохнуть!³

Стратегия реформ российского образования предполагает именно это решение антропологической проблемы. Так, глава системы образования А. Фурсенко, выступая перед молодежью из движения «Наши» на озере Селигер в июле 2007 г., цель российского образования обозначил как «возращивание потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, придуманные другими»⁴. Идеино-организационное окормление – если это слово уместно в данном контексте – реформаторов

осуществляет космополитический олигархический бизнес, связавший себя с глобализмом и рассматривающий Россию как сырьевой придаток глобального мира и источник получения доходов.

Здесь знание подменяется овладением информацией, а с другой стороны, одним из важных критериев эффективности всей системы образования, ориентированной на бизнес, является его экономичность. Для реформаторов эффективное образование – дешевое образование. По общему проекту модернизации образования, приведения его «в соответствие с условиями и требованиями современной цивилизации» до минимума сводятся предметы, испокон веку пестовавшие души, – литература и история, например. Так, в марте 2008 г. Росособнадзор вывел литературу из списка обязательных предметов при сдаче ЕГЭ. Фактически литература в средней школе сведена к статусу факультатива. Современное российское общество, а точнее его властные структуры, и стоящий за ними олигархический капитал, образовывают, формируют тип потребляющего работника, который в наибольшей мере соответствовал бы их ожиданиям. «Образованный» человек, как он понимается реформаторами, должен быть не только достаточно компетентным в сфере своей производственной деятельности, он еще должен быть лоялен, толерантен, предсказуем и управляем в социально-политическом поведении.

Понимание целей и приоритетов системы образования в современной России будет поверхностным, если мы абстрагируемся от процессов глобализации, охвативших современный социальный мир и оказывающих мощное воздействие на все стороны социального бытия. Не имея возможности детально обсуждать здесь вопрос о глобализме, отметим главное для обсуждаемой проблемы: глобализм есть нигилизм⁵. Своего главного оппонента глобализм усматривает в национальных интересах и суверенных государствах, призванных выражать и охранять эти интересы. Глобализм подвергает сомнению и третирует как пережиток, сдерживающий прогресс, не только национальную культуру, включая сюда образование и религию. Отвергается и национально ориентированный бизнес, как правило, реализующийся в сфере производства готовой продукции. Вот, кстати, почему Россия сегодня не обрабатывает и не производит, ограничиваясь вывозом сырья и полученных за него денег за рубеж⁶.

Стратегический замысел реформаторов – встраивание России в глобалистский мир в качестве поставщика природных ископаемых. Конечно, глобализм, точнее его архитекторы и конструкторы в западном мире вкупе с их российскими рекрутами из высшего чиновничества и олигархического капитала, полученного за счет природных богатств страны, крайне заинтересованы в формировании в России системы образования по их лекалам.

Глобалистская цивилизационная стратегия лишает Россию исторической субъектности, разрушает традиционные духовно-нравственные цен-

ности и идеалы, на фундаменте которых и была отстроена русская православная цивилизация. Среди основных средств – тотальная переориентация сознания на потребительство и карьеризм как цель и смысл жизни, на индивидуализм и космополитизм как философско-мировоззренческие принципы. Героика осмеивается или просто замалчивается. Патриотизм, долг, коллективизм, взаимопомощь, бескорыстие и другие подлинно русские ценности спокойно и безжалостно изгоняются из языка и из образовательного процесса. Зато культивируется толерантное отношение к тому, что традиционной культурой безоговорочно осуждалось. Телевидение без усталости эстетизирует грех, – гомосексуализм, например. В результате единый народ рассыпается, превращаясь в беззащитную толпу, в объект эксплуатации.

Либерализм прекрасно понимает, что именно православная культура является последним оплотом народа и государства. Именно поэтому православие вызывает ненависть глобальных переустроителей мира. Именно поэтому они делают и будут делать все, чтобы закрыть перед православным мирозерцанием и православной культурой доступ к образованию. Без всяких преувеличений речь идет об уничтожении русской цивилизации.

Реформаторские силы доверено возглавить А. Фурсенко. Именно его ведомство целенаправленно внедряет тотальную тестовую систему по всем, включая сюда и философию, дисциплинам, методично и вполне успешно отучая российского школьника и студента мыслить. И перед обучаемым, и перед обучающим ставится чисто формальная задача не знать, а сдать. Знание подменяется владением информацией, которая по природе своей не затрагивает личностное начало. Если информация, что и формирует, так это разорванное сознание, когда жизнь – это одно, а, например, вера в высшие ценности и идеалы или «милость к падшим» – это нечто другое. Именно А. Фурсенко, по-своему мужественно, не обращая никакого внимания на критику, ведет российское высшее образование к болонской модели. На самом деле, зачем стране, которой отведена функция добывать сырье и в необработанном виде перегонять его на Запад, высокообразованные специалисты?!

Сторонники развития образования в русле традиционных ценностей российской культуры не имеют таких мощных организационных и финансовых структур и сил как правительство или Дума и стоящий за ними олигархический капитал. Они гораздо реже попадают в телевизионные и радиостудии. Но на их стороне, говоря словами поэта, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». На их стороне понимание того, что образование – это, может быть, последний шанс сохранить суверенитет и культурную самобытность России и вывести ее на достойный уровень в мировом цивилизационном процессе. Среди противников реформ по А. Фурсенко можно назвать ректора МГУ В. Садовниченко, «Литературную газету» с глав-

ным ее редактором Ю. Поляковым, газету «Завтра» с главным редактором А. Прохановым, таких деятелей отечественной культуры, как Н. Михалков, ученых И. Фроянова и Н. Нарочницкую, тысячи российских профессоров и учителей. Духовным центром можно назвать РПЦ.

Открытие в 2007 г. в Иркутском государственном университете специальности «Религиоведение», решение начать подготовку учителей-религиоведов в ГОС СПО «Иркутский государственный педагогический колледж №1» по модулю, включающему в себя и курс «История православия в России», вселяет надежду на возможность преодоления нашим образованием морока глобалистского нигилизма и возвращения к традиционным духовным устоям российской культуры. Усилиями подлинно русской интеллигенции, научно-педагогической общественности, РПЦ, политических сил, для которых судьбы Отечества важнее потребительского комфорта, сделан принципиального характера шаг на пути духовного обустройства России именно как Отечества.

Теперь заявленная в статье проблема приобретает собственно научное содержание, хотя там, где дело касается мировоззрения, чисто научного содержания в принципе быть не может. Попытаемся дать формулировку учебного предмета «История православия в России» для студентов педагогических колледжей, обучающихся по специальности «Религиоведение». Предварительно заметим, что предмет науки определяется объектом ее исследования. Под объектом понимается явление (совокупность явлений) окружающего мира, в том числе и социального мира; под предметом – коренные, узловые проблемы, относящиеся к объекту, позволяющие выявить его характеристики, максимально приближающие нас к пониманию его сущности. Задача не из простых. Нам необходимо в лапидарной форме определения предмета отразить наиболее важные, сущностные характеристики объекта.

Думается, что под объектом корректно будет понимать саму историю православия в России. Как же все эти понятия соотносятся друг с другом? Все они являются ключевыми. И все-таки важнейшая проблема, от решения которой зависит логическая структура курса – это соотношение православия и России. В принципе, курс без значительных дидактических потерь можно было бы назвать «Православие в России». Следующий шаг – осознание роли, места и значения православного христианства для России. Опираясь лишь на «чистый разум», чего, кстати, в оценочных характеристиках никогда и не бывает, сделать этот шаг мы не в состоянии. Мы обязательно запутаемся в логических противоречиях. Поэтому решающим становится фактор веры. Веруя в самобытность и величие русской цивилизации и руководствуясь целью формирования личностного начала российских студентов, дадим следующее определение предмета курса: «православие как духовный фундамент и нравственный идеал исторического раз-

вития русской цивилизации».

Вопрос о логической структуре курса будет рассмотрен в следующем номере журнала.

Примечания

1. См.: Проект Россия. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006, с. 212.
2. Вспомним В.И. Ленина, утверждавшего в «Материализме и эмпириокритицизме» принцип партийности как важнейший принцип философии и сегодня, и две тысячи лет назад. См.: Ленин В.И. ПСС, т. 18, с. 380.
3. Пагубность и лживость потребительской модели мы видим в удручающей статистике суицидов. К 2003 г. Россия вышла на позорное первое место в мире по числу самоубийств среди молодежи.
4. Цит. по газете «Московские новости» от 14.12.2007 г.
5. Нигилизм как философию и психологию глобализма убедительно обосновал и раскрыл А.С. Панарин. См. : Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М. : Алгоритм, 2000.
6. Мне вот крайне обидно и непонятно (хотя все, конечно, предельно ясно), почему мы не производим такой ерунды, как сотовые телефоны? Китай в 2008 г. намерен наштамповать в количестве 500 млн. штук.

Г.И. Хвостова

А.В. Блинникова

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА В ОБЛАСТИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА¹

Радикальные социально-политические преобразования в России конца XX–начала XXI века привели к активизации религии, усилению ее влияния на различные стороны общественной жизни, в том числе и на сферу образования. Проникновение религии в школу, которая до недавнего времени была предельно секуляризированной, обострило проблему «об-